

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44
Л92

Mercedes Lackey
HUNTER

Copyright © 2015 by Mercedes Lackey
Originally published in the United States and Canada by Disney Hyperion
Books as HUNTER. This translated edition published by arrangement with
Disney Hyperion Books. All rights reserved.

Лэки, Мерседес.

Л92 Охотница / Мерседес Лэки ; [пер. с англ. А. Л. Сагаловой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 448 с.

ISBN 978-5-04-098357-5

Мир после катастрофы опасен и жесток. Магия проникла на Землю, а вместе с ней явились и пришлецы — монстры, о которых раньше слагали легенды и сочиняли сказки. И только Охотники, воины с необычными способностями, могут защитить людей. Рада Чарм стала Охотницей еще в детстве. Она всегда знала, что ее главная задача — оберегать тех, кто не может постоять за себя сам. Но когда ей было приказано явиться в Пик, столицу и самый защищенный город государства, Рада поняла: мир Охотников устроен не так, как ей казалось. Власть обманывает горожан, пришлецов становится все больше, и их сила растет. А за Охотниками, которые давно превратились в кумиров толпы, ведется постоянная слежка. Но главное — кто-то начал охоту за самой Радой. Кто он? И что им движет?

Мерседес Лэки — всемирно известный автор фэнтези и обладатель многочисленных литературных наград. Ее серия «Охотница» стала бестселлером по версии престижного издания New York Times.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Сагалова А.Л., перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-098357-5

*С любовью посвящаю эту книгу
памяти моей матери,
Джойс Ритчи.*

*Самая искренняя моя поклонница,
она всегда была рядом.*

Ночью из окон поезда ничего не видно — проводник их затемняет. Правда, и без этого мало кому приходит в голову смотреть в окно. Я окинула взглядом вагон. Только я вошла и уселась на свое место, мне сразу бросилось в глаза: я тут единственная из пассажиров моложе тридцати. Такие навороченные поезда мне знакомы лишь по видеороликам. Правда, еще на станции в Ключах видела, пока мы с моим Учителем ждали отправления. А тут я сама захожу в глянцевую серебряную трубу, а вокруг меня ряды невероятно мягких серо-голубых сидений. Просто не верится. Я украдкой изучала своих попутчиков. Одежда у них сшита не вручную. Наверняка гадают, как это меня занесло в их дорогой напыщенный мир. Однако расспросами меня не донимали: видно было, что им любопытно, но заговаривать вроде бы

и не хочется. А я тем временем смотрела на отражения в темных окнах и мечтала снова оказаться дома. Впрочем, все эти люди могут знать, кто я. По дороге к станции Учитель Кедо сказал, что обо мне оповещен весь персонал поезда. Так что, возможно, пассажиры тоже в курсе.

Все уже уснули, только я не спала. У всех сиденья были откинуты, коконы натянуты, а головы и плечи скрывали приват-капюшоны. Вагон с пассажирами смахивал на кадр из драма-ролика, которые время от времени крутят вместе с еженедельной почтой. Я-то ими не особо интересуюсь, но моя подруга Кей их обожает, потому и мне приходится смотреть. Но я не жалею. На то она и дружба.

А вообще, может, весь этот народ в вагоне крутил какие-то свои видролики: точно ведь не скажешь — они же все в наушниках и в очках. Кругом тянулись ряды откиннутых специально наклоненных кресел — голову на колени соседу не положишь. И на каждом кресле словно лежал запеленатый младенец с мягкими черными буграми в верхней части тела. Эти коконы из какой-то незнакомой мне материи — шелковой, бархатистой, точно шерстка у котенка. Я наблюдала, как устраиваются спать пассажиры: многие просили стаканчик на ночь. Это если вдруг случится что-нибудь ужасное — они умрут, даже толком не поняв, что им грозила опасность.

Это все не для меня. Мое кресло тоже откинулось: все кресла автоматически откидываются и наклоняются на ночь. Это делает начальник состава во всем поезде. И все же кокон я застегивать не стала

и приват-капюшоном не воспользовалась. Не говоря уж о стаканчике. Да заикнись я о нем — моих Учителей тут же стошнило бы.

Ну ладно, не стошнило бы: Учителя как-никак люди приличные. Но они бы смерили меня красноречивым взглядом, в котором ясно читалось бы: «Ну и ну, до чего докатилась!» И от этого взгляда мне сделалось бы куда хуже, чем если бы их стошнило.

Мне хотелось посмотреть наружу, хотя понятно, что картинка за окном та же, что и днем. Этот путь считался достаточно безопасным — насколько вообще что-то может считаться безопасным ниже границы снегов. Рельсы были забраны проволочной клеткой, электрифицированной на пять миль впереди несущегося поезда и пять миль позади. Еще давно, когда все только приводили в порядок после Дисерея, военные сразу позаботились о безопасности движения поездов. Обеспечили ее в первую очередь. А вот за пределами проволочной клетки... Там было по-разному. Где-то безопасно, где-то нет. А где-то был суший ад.

Суший ад я наблюдала лишь однажды, причем в облегченной версии. Посмотрела своими глазами, как это бывает, когда пришлецы вдруг обнаруживают, что им есть чем поживиться, и пускаются во все тяжкие. Это случилось два года назад; мне тогда исполнилось четырнадцать. И, разумеется, летом — не зимой же: зимой все поселения худо-бедно защищены снегом и холодом. Анстонов Родник был — и остается — симпатичным местечком, где живут симпатичные люди. Примерно тридцать семей — достаточно, чтобы обзавестись своей торговлей и складом. И при-

шлецы решили, что Анстонов Родник уже разросся до такой степени, что пора уделить ему внимание.

Я в ту ночь спала, как дитя, и меня подняла на ноги монастырская тревога. Учитель Кедо уже барабанил в мою дверь, пока я кое-как натягивала сапоги. «Призывай!» — крикнул он, и я призвала своих Гончих, а за моей дверью, в коридоре, уже толкались четыре Гончие Кедо. Они все смешались в одну стаю, и мы помчались к остальным. Те ждали снаружи, на снегу. Из Монастыря высыпали все его обитатели до единого — да, именно так: все до единого, от мала до велика. Кто-то с магией и с Гончими, кто-то с оружием.

Пока мы неслись к Анстонову Роднику, примерно треть домов уже запылали, и повсюду на улицах чудовища кидались на людей, пытавшихся дать им отпор. А за частоколом, сразу за деревней, чудовищ было еще больше, и Кедо отправил меня туда. Мы с Гончими... В общем, та ночь вся как-то смазалась в моей памяти. Я много стреляла — и магией тоже пользовалась вовсю, но по большей части стреляла. А Гончие задавали жару моим противникам, не подпуская их ко мне. Кедо вручил мне автомат Калашникова с трассирующими пулями, и пришлецам это определенно не понравилось. Перелом наступил, когда к нам на выручку подоспели другие Охотники из окрестных поселений. К рассвету мы вышвырнули пришлецов из Анстонова Родника. Тела, которые не развоплотились, пришлецы, видимо, забрали с собой. Треть домов сгорело, но в остальном нам дико повезло... Только двое погибших, хотя почти все не-

Охотники пострадали: кто ранен, кто обожжен. Как сказал Пер Анстон: «Мы можем возродиться. Но мы не можем воскреснуть».

Тогда я не выдала своего страха. И сейчас не выдавала. Я прилежно училась прятать страх. Но на самом деле я боялась. Понятно, я жила не в самом безопасном месте на свете, но все же мой дом был куда безопаснее, чем те края, через которые проносился поезд. И мне придется сойти в худшем из этих краев. Рано или поздно придется. Не пройдет и года, как я буду нести там свой дозор.

Я Охотница, и это моя служба. Самая важная служба в мире. Со времени Вторжения Охотники защищают от чудовищ обычных людей. Я это уже давно поняла, а если бы нет, то поняла бы в ту ночь, когда напали на Анстонов Родник. Тамошних жителей я хорошо знала: это были мои соседи, а из раненых двое были моими друзьями. Они приходили танцевать в Сейфхэвен. А я изгнала пришлецов с их полей, и... похоже, в ту ночь я и осознала, что быть Охотником — это важнее всего. Потому что Охотник может хоть что-то сделать с пришлецами, а все остальные не могут. Не пули, не ручные гранатометы, а именно Охотники решили исход тогдашней битвы и не дали Анстонову Роднику стать очередной боевой потерей в войне пришлецов и людей. Это не та служба, которую ты сам выбираешь, — это служба, которая выбирает тебя. Хотя, если бы у меня был выбор, я все равно стала бы Охотницей. Утром, когда мы возвращались в Монастырь в кузове грузовика, Учитель Кедо окинул меня долгим испытующим взглядом. Будто

оценивал. И, кажется, то, что он увидел, его вполне устроило, потому что он взъерошил мне волосы и сказал: «Теперь ты настоящая Охотница, чика¹». Он закрыл глаза и с довольным лицом откинулся назад.

Между рядами пробирался проводник, проверяя, все ли у всех в порядке. Его зеленая форма очень смахивает на военную, но она, конечно, железнодорожная. Лицо у проводника квадратное, серьезное, волосы рыжие. Не знаю, зачем ему надо ходить и проверять, как тут пассажиры, но раз уж поезд — это такой дорогуший способ путешествовать, который не многим по карману, то, вероятно, тут сервис по высшему разряду. Летают нынче только военные, потому что в небе слишком уж опасно. Есть, правда, и другие поезда, не такие, как этот, — там людей везут, словно скот. И пассажирам в таких поездах приходится самим таскаться с багажом и еду запасать заранее. Я видела на станции людей, ждущих такой поезд, — точь-в-точь как на старинном снимке беженцев во время войны.

Но я-то другое дело. Я еду одна, без Учителей, но мне сказали, что в пути мне все будут оказывать всяческие почести, прямо как звезде. Это из-за того, что я Охотница, и еще из-за моего дяди. В дядю мне тоже не очень-то верится, как и в этот поезд. У меня как-то в голове не укладывается, что я в родстве с кем-то настолько именитым. На Горе-то всем это без разницы.

Проводник в моем ряду немного задержался, и я уже напряглась. Сейчас начнет мне выговаривать

¹ Девочка, девушка (*исп.*).

и требовать, чтобы я не нарушала общего распорядка, а улеглась и спала себе как все. Но вместо этого он перегнулся через мужчину, спящего между мной и проходом, и прошептал:

— А ты правда Охотница?

Я кивнула. А он изумленно вытаращился на меня.

— Но ты ведь такая юная, — неосторожно брякнул он. — Совсем еще девочка.

Я чуть не проболталась, что вообще-то я Охотница с девяти лет. Но промолчала. Потому что это не совпало бы с той легендой, которой мне надлежит придерживаться. Причем начинать делать это нужно прямо сейчас. Учителям и Монастырю вообще не положено существовать. Всякий, кто обнаружит, что он Охотник, обязан без промедления отправляться в Пик-Цивитас. В конце концов, Охотников раздва и обчелся. Может, один на сотню, а то и на две рождается со способностями к магии, и только половина из них становятся Охотниками. Монастырь — один на всем континенте, других таких обитателей я не знаю. Давным-давно, еще в самом начале Дисерея и Вторжения, многие Охотники пытались обучаться самостоятельно, но погибли, так и не овладев магией и не поняв, что нужно делать с Гончими. Поэтому всем Охотникам строго предписано являться в Пик-Цивитас для правильного обучения — таков закон. И, кстати, не такой уж глупый.

Я пожала плечами.

— А можно мне поглядеть на Гончих? — восторженно выдохнул проводник.

Я даже растерялась:

— Прямо здесь? Сейчас? В смысле можно, конечно, только... а это прилично?

Гончие при появлении устроят тарарам, а тут все эти важные персоны. Вряд ли их защитят от шума наушники и коконы. И вряд ли им понравится быть разбуженными собачьей стаей.

Хотя Гончим-то все понравится. Иногда мне кажется, что красоваться перед публикой им так же важно, как есть манну. Или это для них тоже что-то вроде манны?

Проводник окинул взглядом спящих пассажиров и снова обернулся ко мне. Глаза его сияли счастливым блеском. Я не удержалась и тоже слегка ему улыбнулась. Ну вот оно, начинается. Ладно, мне-то призвать Гончих пара пустяков, но даже для поселенцев у нас на Горе это было что-то из ряда вон, настоящее событие. А уж какое это будет событие для человека, который в жизни только и делает, что обхаживает богачей в поезде!

— Игровой вагон свободен! — радостно выпалил проводник.

Я кивнула, вылуцилась из своего кокона, как орех из скорлупы, и скользнула в проход. Мы с проводником миновали еще два вагона с безмолвными коконами и добрались до игрового. По дороге мы подцепили еще двоих проводников. Один остановился и пошептал что-то в решетку в конце вагона. Наверняка внутреннее переговорное устройство или что-то в этом роде.

Проводник не соврал: в конце концов мы очутились в пустом вагоне. Бар-автомат засверкал огнями,

но, убедившись, что напитки нас не интересуют, перешел в режим ожидания. Игровые консоли и игровые столы при нашем появлении не издали ни звука.

В глубине вагона нашлось свободное место, рядом со сложенными тренажерами. Туда я и направилась. Сейчас мне предстояло выступление перед зрителями, причем зрители все подтягивались и подтягивались. Проводник, который пошептал что-то по переговорнику, видимо, разнес по всему поезду новость, что тут ожидается шоу. Поэтому я немного нервничала: напоказ я никогда Гончих не призывала. Обычно люди видят Гончих, когда те уже со мной. Я закрыла глаза и вообразила мандалу. И мое сознание распахнулось навстречу Потусторонью.

Мандала — это, разумеется, моя мандала, та, которой отмечены мои ладони. Это татуировка, но она пробита по линиям подлинной мандалы. Мандала любого Охотника — это круглое по форме изображение, но у всех этот круг разный. Они красивые, эти мандалы, прямо загляденье. Тот, кто не в курсе, решит, что это украшения, изящные татуировки. Мандала состоит из внешнего круга, в него вписан круг из маленьких значков — у каждой Гончей свой значок. Внутри него еще один круг или другая фигура: треугольник, квадрат или шестиугольник. В фигуре могут быть символы, а могут и не быть, но там всегда присутствует восьмиконечная звезда из двух наложенных друг на друга квадратов. Ну и в самом центре еще один символ — это и есть сам Охотник. Кто умеет читать символы, сможет сказать, сколько у Охотника Гончих. Правда, на мандале есть еще